6. *Соссюр, Ф. де* Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М., 1977.

7. *Стеблин-Каменский, М.И.* Труды по филологии / М.И. Стеблин-Каменский. – СПб., 2003.

8. *Ширяева, А.В.* Глагольная синонимия в свете прототипической семантики (на материале синонимического ряда с доминантой break): автореф. дис. … канд. филол. наук / А.В. Ширяева. – СПб., 2008.

9. *Arkhipov, I.K.* Biology of Cognition, Biosemiotics, and Second Language "Acquisition" / I.K. Arkhipov // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions. Newcastle upon Tyne. – 2012 (in press).

10. *Cowley, St.J.* Cognitive Dynamics: Language as Values Realizing Activity / St.J. Cowley // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions. Newcastle upon Tyne. – 2012 (in press).

Словари

11. *ASD* – An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of Late Joseph Bosworth edited by Joseph Bosworth and T. Northcote Toller. – Oxford University Press, 1898.

12. *CIDE* – Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge University Press, 1995.

13. *COBUILD* – Collins Cobuild English Language Dictionary. – Collins Reference, 1996.

14. *AHD* – the American Heritage Dictionary of the English Language. – Houghton Miffin Company, 2009.

15. MED=Middle English Dictionary edited by H. Kurath. – The University of Michigan Press, 1954.

16. *OED* – the Oxford English Dictionary. – Oxford University Press, 1961.

17. *W3* – Webster's Third New International Dictionary unabridged. – Encyclopedia Britannica, Inc., 1993.

УДК 82-313.1

***Д.А. Рюмин***

*Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Е.Е. Соловьева*

# ОСОБЕННОСТИ КАРНАВАЛИЗАЦИИ В РОМАНЕ ЮРИЯ ПОЛЯКОВА «КОЗЛЕНОК В МОЛОКЕ»

В статье рассматривается сатирический роман Юрия Михайловича Полякова. Предметом исследования является карнавальный смех и его особенности в этом романе. Показываются различия и сходства между карнавалом классическим, традиционным и карнавалом нового времени.

Карнавал, карнавализация, смех, амбивалентность, современный роман.

The authors analyze the satirical novel of Yuri Polyakov in the article. The subject of this research is the carnival laughter and its peculiarities in the novel. The differences and similarities between classic, traditional carnival and the one of the new time are shown in the article.

Carnival, carnivalism, laughter, ambivalence, modern novel.

Карнавал как одна из важнейших составных частей традиционной народной культуры, «тип восприятия», «система поведения», выработала на протяжении веков свой язык, язык, который «до конца не переводим «на словесный язык» [10, стб. 338], но обладающий огромным творческим потенциалом, привлекавшим писателей еще с глубокой древности. М.М. Бахтин, понимая карнавал как «вторую жизнь народа, организованную на начале смеха» [1, с. 13], выделил такие свойства, как: праздничность, всенародность, универсальность, амбивалентность [1, с. 17]. Под карнавализацией обычно понимается «воздействие античных и средневековых народных празднеств и обрядовых действ – «карнавала» – на обрядово-символическое мышление, творческую память и авторство Нового времени», а также… «транспортировка» карнавала в литературу и возникновение «карнавализованной литературы» [10, стб. 338]. Проанализировав роман Ф. Рабле, М. Бахтин заложил основу для изучения влияния народной смеховой культуры на авторское сознание писателя и воплощение некоторых элементов карнавала в художественном слове. О карнавализации современной отечественной прозы говорится в работах М.Н. Липовецкого [8], А.А. Макаревича [9], В.Г. Бондаренко [4], Скоропановой [7]. Интересный материал для изучения трансформации карнавального смеха, присущего традиционной народной культуре, в современном отечественном литературном процессе, присутствует в романе Ю.М. Полякова «Козленок в молоке» (1995). Творчеству Полякова, посвящено не так много исследований [3], [4], [6], и практически не проанализирована карнавализация в его романах.

Действие романа «Козленок в молоке» происходит в России, перед распадом СССР и после. В центре сюжета – история выгнанного со стройки Витька Акашина, из которого два приятеля делают всемирно известного писателя. Поэт, выпивая со своими друзьями в ресторане Дома литераторов, заключил пари: «Готов поспорить: первого встречного дебила за два месяца я сделаю знаменитым писателем, его будут знать на улицах, критики станут писать о нем статьи, и вы будете гордиться знакомством с ним» [12, с. 40].

Анекдотичная завязка вступает в конфликт с названием романа, отсылающим читателя к известной

фразе из Ветхого Завета «Не вари козленка в молоке матери его» [2], которая традиционно понимается как метафорическая основа еврейских законов о разделении мясной и молочной пищи. Помимо запрета на смешанную пищу, некоторые ученые обнаруживают в этих словах скрытый аллегорический смысл; кроме того существуют другие версии толкования этой заповеди: археологическая, гуманистическая, фольклорная и т.д. [11]. Сам Акашин узнает о значении изрекаемых слов случайно в гостях у писателя Одуева: «Витек ошалело, разинув рот, переводил взгляд то на Любина-Любченко, то на меня. Он и не подозревал, какой глубокий смысл содержался в этой смешной фразе про козленка!» [12, с. 238]. Так возникает оппозиция сакрального и профанного.

Название романа «Козленок в молоке» носит двойственный, амбивалентный характер. С одной стороны, это запрет на смешанную пищу, это десятая, самая таинственная заповедь Завета. С другой же стороны, это дерзкое нарушение заповеди, оскорбление, мистификация, ядовитая насмешка. Юрий Поляков «варит» Витька Акашина, тем самым доказывая недоказуемое, – из первого попавшегося человека делает знаменитого на весь мир писателя. Недаром Любин-Любченко говорит: «…В общем, подобно «концу истории» мы подошли к «концу литературы». И в этом гениальность открытия Акашина, равного открытиям Эйнштейна! Теперь-то мне ясен эзотерический смысл слова, сказанного им в прямом эфире! Ничего другого он сказать-то и не мог!.. – Ну вот! Записывать литературу на бумаге так же недопустимо, это такое же табу, как у древних – запрет на смешанную пищу, на козленка, сваренного в молоке… А это значит, что даже самый невинный знак, начертанный на бумаге, навсегда закрывает нам выход к информационному полю Вселенной! Понятно?» [12, с. 392].

Поэтому и жест для обозначения фразы «не вари козленка в молоке его матери» Поляков выбрал неслучайно: «указательный и средний пальцы, выставленные «рожками», или, иначе говоря, буквой «V» (символ нашей с Витьком грядущей победы над силами литературного зла), обозначали двенадцатую фразу…» [12, с. 102]. Необходимо сказать об этом жесте. В большинстве европейских стран, а также в России, этот жест означает Победу. «Но все же это победа, пускай и нелегкая. «Это была победа. Я наказал их всех. Это была моя премия, настоящая, громадная, неизбывная, по сравнению с которой все эти нобелевско-бейкеровские цацки – хлопушки с искусственной елки» [12, с. 413]. Смущает слово «рожки», вновь отсылающее читателя к образу козленка, традиционной фигуры народного маскарада.

Роман Полякова построен на противопоставлениях и двусмысленностях. Слово «амбивалентно» встречается чуть ли не на каждой странице. Время романа охватывает «доперестроечную» и «послеперестроечную» жизнь. Сам Юрий Поляков, несмотря на определенные сложности, которые были у него с советской цензурой, резко отрицательно отзывается о «перестройке» и распаде СССР: «Да и время наступило замечательное: нашему доверчивому народу уже дали в ручонки погремушку гласности, но пока еще не отняли от материнской груди социализма» [12, с. 19]; «Столица в самое сердце поразила меня обилием нищих и иномарок… в ресторане сидели какие-то мордатые ребята в красных кашемировых пиджаках и радужных спортивных костюмах. К литературе они имели такое же отношение, как саперная лопатка к демократии» [12, с. 432].

Мы наблюдаем у Полякова очень важный процесс изменения карнавального мироощущения. Недаром многие читатели романа говорят о том, что роман читать весело, а ближе к окончанию становится совсем грустно. Радостный смех уступает место обличению (сатире и пародии). Сам Юрий Поляков говорит следующее: «Увы, это стойкая традиция российской сатиры, восходящая скорее не к «пародийному модусу повествования», а к невеселой отечественной реальности, в чем все мы каждый по-своему виноваты» [13]. Невероятные приключения Витька Акашина позволяют Полякову посмеяться над нелепостями литературной общественной жизни и постсоветской действительностью. «Впрочем, – писал Поляков, – эта постмодернистская реальность легко распространяется и на другие сферы нашей жизни. Мы слушаем певцов, лишенных голоса и даже слуха. Нашу жизнь определяют политики, за всю свою деятельность не принявшие ни одного верного решения. А консультируют их ученые, не замеченные ни в одном сколько-нибудь серьезном исследовании. Мы с вами страдаем от реформ, даже не понимая, в чем они заключаются, а не понимаем мы этого, в основном, благодаря подробным телевизионным политкомментариям. Современное телевидение, как справедливо сказано, – это изобретение, позволяющее заходить к нам в спальню тем людям, которых мы не пустили б даже на порог своего дома» [13].

Брань и ругательства в романе Полякова, как и в классическом карнавале, связаны с веселыми побоями. Здесь показателен эпизод в самолете и эпизод погони, когда Витек Акашин встречает своего наставника. Приведем примеры:

« – Здравствуй, сволочь! – произнес он. – Вот мы и встретились. Теперь тебе точно конец» [12, с. 15].

« – А кто тебе сказал, что мы будем драться? Я просто откручу тебе голову! Очень тихо… Пошли!» [12, с. 17].

« – Стой, козел! Все равно не уйдешь!..

– Говорил тебе – не уйдешь! – констатировал Акашин, ткнув меня в бок ботинком. – Вставай!» [12, с. 461].

Конфликт Акашина и писателя все же разрешается благополучно – дружескими объятиями. Разобравшись в нелепой ситуации, герои мирятся и снова становятся друзьями.

Через весь роман «Козленок в молоке» проходит мотив винопития. Писатель получает от своего друга Арнольда «амораловку» – настойку из маральих рогов. После этого происходит невероятное; мало того, что употребление «амораловки» вызывает неподдельный интерес к женщинам, он еще и получает грандиозное творческое вдохновение: «в тот вечер я снова ощутил в себе необъятные творческие силы и снова история шинного завода явилась моему внут-

реннему взору во всей своей дымной красе. Я потрудился до утра, намолотив страниц сорок. Мог бы стучать дальше, но заболели подушечки пальцев, да и действие «амораловки» подходило к концу» [12, с. 92]. «Спиртное в прямом, материальном смысле – источник веселья, радости, жизни. В переносном смысле «оно – источник мудрости, знания, и «пить» – значит черпать из этого источника» [14, с. 274] – пишет А.А. Смирнов.

Прием гиперболизации представлен достаточно обширно у Полякова. Гиперболизация носит карнавальный и даже в некоторых моментах гротескный характер. Очень показателен в данном случае эпизод с переодеванием Витька Акашина. Особое внимание автор уделяет экипировке будущего писателя. После недолгих манипуляций перед нами появляется просто безумный наряд: пятнистая штанина, похожая на фрагмент оголодавшей анаконды – десантные брюки, стеганый восточный халат, майка с надписью «LOVE IS GOD», лохматая доха закарпатского пастуха, пыльные малиновые полусапоги и теннисная повязка с надписью «Wimbledon» – вот что одевает наш герой на Акашина, и, как выяснится, позже, это будет иметь успех. Здесь гиперболизация проявляется в наряде будущего гения, в преувеличении его внешнего вида. Именно так должен выглядеть настоящий писатель.

Весь роман «Козленок в молоке» в буквальном смысле состоит из различных пародий. Юрий Поляков сатирически изобразил премию «Русский Букер» под видом Бейкеровской премии: «Оказывается, ее в конце прошлого века учредил американский булочный король Джон Спенсер Бейкер из Бостона» [12, с. 262]. Автор негативно относится к «Русскому Букеру», считает, что он нанес большой ущерб русской литературе, и к реальной литературе не имеет практически никакого отношения.

Роман с пустыми страницами «В Чашу» гения Виктора Акашина также является пародией: «Разорвав пачки и разъяв папки, я вложил в каждую папку по пятьсот чистых страниц и туго завязал тесемки трогательными бантиками» [12, с. 149] – так появился на свет будущий «букеровский» роман. Известно, что в Америке, в 1974 г. на книжных полках появилась книга с подзаголовком «Книга ничто», или The Nothing Book, открыв которую можно было увидеть 192 абсолютно чистые страницы. А после этого по всему миру начались издания подобных книг.

Пародийным является и мотив вина в романе «Козленок в молоке». Проводятся параллели с пьесой Людмилы Петрушевской «Чинзано» (1973 г.). «Амораловка» помогала ему трудиться, подобно «великому русскому филологу и лингвисту Александру Ивановичу Бодуэну де Куртенэ» [12, с. 100].

Пародийность проявляется в романе множественностью аллюзий и реминисценций, прямых и скрытых цитат. Дом Литераторов с его рестораном заставляет читателя вспомнить ресторан «Грибоедов» и МАССОЛИТ из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Новоявленный гений Витек Акашин, с легкой руки автора, оказывается родом из заснеженной сибирской деревни Щимыти (перестановка слогов в «родных Витькиных Мытищах»). И наконец, герой Полякова, однажды решив напиться, смешивает водку и портвейн и пьет коктейль подобно Венедикту Ерофееву: «Портвейн показался мне сладковатым, и я начал по вкусу добавлять в него водку, мысленно называя этот коктейль «Битва при Калке» [12, с. 338]. Таким образом, пародии Полякова отличаются от бахтинских пародий тем, что они направлены не на обличение старого мира, а на обличение современной действительности (в данном случае «послеперестроечное» время).

Гротеск у Полякова не простое нарушение нормы, а отрицание всяких абстрактных, неподвижных норм, претендующих на абсолютность и вечность. Он отрицает очевидность и мир «само собой разумеющегося» ради неожиданности и непредвидимости правды. Он как бы говорит, что добра надо ждать не от устойчивого и привычного, а от «чуда». И это «чудо» прежде всего роман «В Чашу» с чистыми страницами и его «творец» – Витька Акашин.

Телесный низ фигурирует в самом начале романа, когда автор придумывает душещипательную биографию Акашина: «если его будут спрашивать, откуда он, разумнее всего с улыбкой отвечать — «из фаллопиевых труб» [12, с. 93]. Но все же наиболее яркий гротескный образ мы видим при описании Ужасной Дамы, любовницы главного героя, телефонистки с голосом Софи Лорен. Мотив поглощения пищи в больших количествах – один из важнейших мотивов в народно-праздничной культуре: «Мне пришлось бежать из Москвы, ибо мою судьбу неодолимой поступью тиранозавра перешла Ужасная Дама. Каждый вечер с сумкой, набитой продуктами, она вторгалась в мою квартиру, ставила кастрюли и сковородки сразу на четыре конфорки, а потом на сытый желудок начинались ночные кошмары» [12, с. 419]. Поляков рисует не просто комический, а гротескный образ невероятной женщины с гипертрофическими проявлениями любви и заботы: «Соседи время от времени сообщали мне в Семиюртинск про какую-то неописуемую женщину, которая каждый вечер после работы приходит с полными сумками, сидит на ступеньках перед моей дверью и рыдает так, что в доме осыпается штукатурка» [12, с. 422]; «Странная женщина продолжает являться каждый вечер, и на той ступеньке, где она сидит, обливаясь слезами, вытесалось уже приличное углубление» [12, с. 425].

Карнавализация в романе Юрия Полякова – непростое явление. С одной стороны, этому карнавалу свойственны такие классические, традиционные черты, формы и мотивы, как амбивалентность, гиперболизация, пародийность, брань и ругательства, гротескность, мотив винопития. Но с другой стороны, это карнавал постмодернистский, для которого характерны нравственная релевантность, интертекстуальность, мозаичность, ироничность.

Литература

1. *Бахтин, М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М., 1965.

2. Библия. Ветхий Завет. «Исход». – URL: http:// rusbible. ru/sinodal/ish.html

3. *Большакова, А.Ю.* Феноменология литературного письма: О прозе Юрия Полякова / А.Ю. Большакова. – М., 2005.

4. *Бондаренко, В.Г.* Жрецы русского постмодернизма / В.Г. Бондаренко // Литературная газета. – URL: http://old.lgz.ru/publication/271/

5. *Гуреев, В.* «Последний советский писатель» / В. Гуреев // Подъем. – Воронеж, 2004. – № 12. – С. 186 – 206.

6. *Золотухина, О.А.* Традиционные мотивы в творчестве Юрия Полякова / О.А. Золотухина // Проблемы славянской культуры и цивилизации. – Уссурийск, 2008. – С. 339 – 341.

7. *Скоропанова, И.С.* Русская посмодернистская литература / И.С. Скоропанова. – М., 2001.

8. *Липовецкий, М.Н.* Русский постмодернизм / М.Н. Липовецкий. – Екатеринбург, 1997.

9. *Макаревич, А.А.* Бард – Карнавал (теория и практика) / А.А. Макаревич. – URL: http://www.bards.ru

10. *Махлин, В.Л.* Карнавализация / В.Л. Махлин // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М., 2001. – Стб. 338.

11. «Не вари козленка в молоке матери его» или интересное о «Десяти заповедях» // Livejournal. – URL: http://borianm.livejournal.com/28688.html

12. *Поляков, Ю.М.* Козленок в молоке / Ю.М. Поляков. – М., 2008.

13. *Поляков, Ю.М.* Козленок в молоке / Ю.М. Поляков // Табротека. – URL: http://libbabr.com/?book=3848

14. *Смирнов, А.А.* Рабле / А.А. Смирнов // Алексеев М.П., Жирмунский В.М., Мокульский С.С., Смирнов А.А. История западно-европейской литературы. Средние века и Возрождение. – М., 1999. – С. 274.

УДК 070+340.1

***Ж.А. Смаль***

# МИССИИ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЮРИСПРУДЕНЦИИ – КОНФЛИКТЫ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ

В статье освещается ситуация сегодняшнего дня, которая сложилась в правовой сфере при рассмотрении исков о защите чести, достоинства и репутации. Слово, текст и контекст, в котором это слово существует, а также неполнота оценки самими юристами юридического инструментария являются главными предметами возникающих конфликтов.

Журналистика, факт, суждение, законодательство, Гражданский Кодекс, правовая культура.

The article highlights the modern situation in legal sphere, when considering claims for protection of honor, dignity and reputation. The word, text and the context where the word exists as well as incomplete evaluation of the legal instruments by the lawyers are the main subjects of emerging conflicts.

Journalism, fact, judgement, legislation, civil code, law culture.

Эксперты в области журналистики и юриспруденции констатируют, что сегодня информационно-коммуникативное поле правовой тематики существенно расширилось и преобразовалось. Этому есть ряд причин: современное состояние средств массовой информации, которые технологически вышли на более высокий уровень развития, конституционный запрет на цензуру, интерес к правовой тематике самого общества. Поэтому на первый взгляд может показаться, что именно эта тематика достаточно широко представлена в СМИ, например, то же телевидение озабочено формированием правосознания населения. Такие программы как «Федеральный судья», «Человек и закон», «Детективы» (Первый канал); «Суд идет», «Вести. Дежурная часть» (Телеканал «Россия»); «Обзор. Чрезвычайное происшествие», «Чистосердечное признание», «Закон и порядок» (НТВ) и другие давно прописались в сетке вещания.

Однако, как показывает анализ этих программ, большинство из них носят репортерский характер. Они акцентируют внимание зрителя на конкретных происшествиях и преступлениях при отсутствии грамотного юридического объяснения. Более профессионально о правовых проблемах говорят информационные ресурсы «Гарант», «Консультант», «Эталон», «Кодекс», НТЦ «Система» ФАПСИ и другие, созданные профильными ведомствами. Число их пользователей постоянно увеличивается. К тому же эти структуры начали издавать или реанимировали специальные печатные издания, посвященные правовым вопросам. Поэтому можно утверждать, что как массовые, так и профильные СМИ, будь они на бумажных или электронных носителях, по-прежнему являются для подавляющего большинства населения приоритетными каналами получения любой информации, в том числе и правовой.

К сожалению, нелишним будет отметить, что большинство журналистов, освещающих правовые вопросы, часто оказываются «не в теме» – слишком быстро меняется жизнь, реалии нередко воспринимаются ими в соответствии с традицией, с некими устаревшими шаблонами. Отсюда в прессе, с одной стороны, наблюдается неполнота анализа, упрощения и искажения. С другой стороны, – оценки самих юристов и профильных изданий, в которых, как правило, выступают профессионалы, не всегда достаточно аргументированы, и они не используют весь арсенал юридического инструментария. В конечном счете, это чаще всего приводит к конфликту журналистики и юриспруденции.

«Сегодня факт и мнение переплелись: комментарии присутствуют в новостях, редакционные статьи напичканы фактами. Конечный продукт от этого не